

Сценарий миниспектакля по повести Б.Васильева «А зори здесь тихие...»

Цель: Создание условий для развития творческого потенциала учащихся через интеграцию литературы и досуга.

Задачи:

1. Активизация и развитие творческого потенциала обучающихся.
2. Воспитание чувства патриотизма на материале произведений русских писателей.
3. Формирование мотивации к познанию военной истории нашей Родины.
4. Развитие эмоционально-эстетического вкуса обучающихся.

1. ОБОРУДОВАНИЕ.
2. ОФОРМЛЕНИЕ.
3. Актовый зал или классная комната.

Сценарий
миниспектакля по повести Б.Васильева
«А зори здесь тихие...»

I. Наше время.

У обелиска (на экране) стоят старшина Ф.Е. Васков и его сын.

Сын: Ну, вот, отец, кажется всё.

Васков: Хорошо. Что могли, мы с тобой сделали. Этот обелиск будет напоминанием о войне, о жертвах нам, живущим.

Сын: И кто бы мог подумать, что здесь когда-то была война.

Васков: Была, и жестокая. Эти девушки-зенитчицы погибли, чтобы диверсанты не прошли на Кировскую железку и не взорвали её.

Сын (*читает фамилии на обелиске*): Елизавета Бричкина, Софья Гурвич, Евгения Комелькова, Маргарита Осянина, Галина Четвертак.

(*Обращается к отцу*): Отец, расскажи мне о них.

Васков (*надевает пилотку*): Это случилось в мае 1942 года...

II. Май 1942 года.

171-й разъезд. Отделение зенитчиц.

(*Кирьянова вбегает и, запыхавшись, обращается к старшине*).

Кирьянова: Товарищ старшина! Младший сержант Осянина обнаружила немцев в лесу. Их двое. С автоматами, в маскировочных накидках...

Васков: Команду – в ружьё! Ко мне 5 человек. И ту давай, что видела.

Кирьянова (*вызывает бойцов*): Младший сержант Осянина! Боец Комелькова! Боец Бричкина! Боец Гурвич! Боец Четвертак!

(*Девочки выбегают из зала и становятся по ранжиру*).

Кирьянова (*к девушкам*): Равняйся! Смирно!

(*К Васкову*): Товарищ старшина! Бойцы построены!

Васков (*Кирьяновой*): Сержант Кирьянова, сообщи о немцах охране на железную дорогу. Свободна. (*Кирьянова убегает*).

(*Девушкам*): В лесу обнаружены немцы. Идём на двое суток. Заместителем на всё время операции назначаю младшего сержанта Осянину. Вольно...

Осянина: Женя, Галя, Лиза...

Васков: Погодите, Осянина! Немцев идём ловить, не рыбу. Стрелять – то умеете?

Осянина: Умеем.

Васков: Может, кто немецкий знает?

Гурвич: Я знаю.

Васков: Кто – я? Докладывать надо!

Гурвич: Боец Гурвич.

Васков: Как по-ихнему – руки вверх?

Гурвич: Хенде хох!

Васков: Точно. Кто по-звериному или там по-птичьему кричать может?
(Все захихикали).

Васков: Я серьёзно спрашиваю! В лесу сигналы голосом не подашь: у немца тоже уши есть.

Гурвич: Я умею по-ослиному. И-а! И-а!

Васков: Ослы здесь не водятся. Давайте крякать учиться. Как утки.
(Показал, все рассмеялись). Ну-ка, попробуйте. (Все крякают с удовольствием). Запомните: два кряка – внимание, вижу противника. Три кряка – все ко мне. (Девушки улыбаются). А теперь: на что в пути обращать надо. Отвечать по порядку! Младший сержант Осянина!

Осянина: Может быть, ветка сломана.

Васков: Молодец, верно.

Бричкина: С куста роса сбита.

Васков: Точно! Молодец красноармеец Бричкина.

Четвертак: Птицы кричат.

Васков: Верно. Значит, люди идут. А ещё обращайтесь внимание на следы. От немецких резиновых ботинок, что ихние десантники носят. Куда они путь держат. А теперь разуться всем!

Комелькова: Хорошо, что не раздеться...

Васков: Разговорчики, Комелькова! (Осматривает обувку девушек). Так... с такой обувкой, в тонком чулке, не навоюешь, потому как километра через три ноги свои собьёте до кровавых пузырей. В дорогу всем намотать портянки!
(Обуваются, Васков продолжает): Идём на двое суток. Взять сухой паёк, патронов, подзаправиться. В пути не отставать, не разговаривать. Порядок движения будет такой: впереди – Осянина и Бричкина, на расстоянии за ними – я и переводчица. Затем в ста метрах – Комелькова и Четвертак. У кого силы много?

Бричкина: А чего? (Неуверенно).

Васков: Когда пойдём через болото, боец Бричкина понесёт вещмешок переводчицы.

Гурвич: Зачем? (С возмущением).

Васков: А затем, что не спрашивают. Комелькова!

Комелькова: Я!

Васков: Взять вещмешок у красноармейца Четвертак.

Комелькова: Четвертачок, заодно можно и винтовочку.

Васков: Разговорчики! Делать, что велят: личное оружие каждый несёт сам.
(Помолчав): Эх, девчонки, несчастный вы народ! Мужикам война эта – как зайцу курево, а уж вам-то... На сборы даю сорок минут.
Р-разойдись! (Снял пилотку).

III. Наше время.

У обелиска Васков и его приёмный сын.

(Девушки в стороне.)

Васков (*обращаясь к сыну*): Все эти девушки не похожи одна на другую. У каждой своя судьба... (*Помолчав*): Лиза Бричкина...

Бричкина (*встаёт, рассказывает*):

Я родом с Брянщины. Отец – лесник, я ему во всём помогала, ухаживала за больной матерью, готовила обед, прибиралась в доме, обходила отцовские угодья и ждала завтрашнего дня. Началась война... Я попала на оборонные работы. Рыла окопы, попадала в окружения, выбиралась из них и снова рыла. Потом оказалась где-то под Валдаем, прибилась к зенитной части. 171-й разъезд...

Васков: -Как же это случилось с тобой, Лизавета?

Лиза: - Торопилась я.

Васков: -Не дошла, значит, Бричкина...Значит, полезла ты, боец Бричкина, в топь эту, трижды клятую... Страшно тебе было, девочка?

Лиза: - Страшным было одиночество, Федот Ефграфыч. Мёртвая, загробная тишина над болотом. Я плохо помнила, как выбралась на островок. Вползла на коленях, ткнулась ничком в траву прелую и заплакала... А потом стала думать о тебе, Федот Ефграфыч (*улыбается*), ты сразу мне на сердце лёг...

Васков: - Знаю я, Лизонька. Знал... Всё знал.

Лиза: Думала я, Федот, вот выполню боевой приказ. А там... Да только не привелось нам с тобой. Когда ноги медленно, страшно медленно что-то вниз потянуло, что ни шага, ни полшага сделать нельзя было, а тропа рядом, казалось, рукой дотянуться можно... Знаешь, я небо вдруг увидела, синее, прекрасное, когда тянулась к нему, тянулась и верила... Зря, всё зря...

Васков: -Нет! Не говори так, Лизавета! Сутки мы выиграли, не зря вы погибли! Смертью храбрых погибли! Галя Четвертак в перестрелке и Соня...

Ведущий1 (*читает отрывок*):

Лиза утонула в болоте, выполняя роль связного. Жуткий, одинокий крик долго звенел над равнодушным ржавым болотом. Лиза долго видела синее прекрасное небо и тянулась, тянулась к нему, тянулась и верила. Она в последний раз увидела свет солнца – тёплый, нестерпимо яркий, как обещание завтрашнего дня. И до последнего мгновения верила, что это завтра будет и для неё...

Васков: **Соня Гурвич...**

Гурвич (*встаёт, рассказывает*):

Я училась в Москве, в университете. Была отличницей. Вместо танцев бегала в читалку и во МХАТ, если удавалось достать билет на галёрку. Готовилась к сессии. А тут... война. Я надела форму, но переводчиков хватало, а зенитчиц – нет. Вот меня и откомандировали вместе с Женькой Комельковой на 171-й разъезд. Любила читать стихи. Всегда носила с собой томик Блока:

Рождённые в годы глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России –

Забыть не в силах ничего...
От дней войны, от дней свободы –
Кровавый отсвет в лицах есть...

Васков: - Эх, девочка, и зачем ты только за этим кисетом вернулась, торопилась принести мне махорку ту, трижды клятую.

Соня: - Это ничего, товарищ старшина. Кто ж знал, что немцы там, как будто ждали меня. Ничего, мне осторожней надо бы. Я, когда бежала, сильно сапогами топала, по неопытности в каптёрке на два размера больше получила.

Васков: - Я тогда заострённым был, на твой крик заострённый, услышал далёкий такой, слабый, как вздох.

Соня: - Я бежала, радовалась и понять не успела, откуда свалилась на плечи потная тяжесть, почему сердце рванулось вдруг пронзительной яркой болью... Успела я крикнуть, жаль, что слабо. Я предупредить вас хотела, громче, чтоб услышали вы.

Васков: - Услышали мы, спасибо тебе, девочка. Это потому ты крикнуть успела, что удар у него, у фрица, на мужика поставлен был, не дошёл он до сердца с первого раза: грудь помешала. Маюсь я, Соня, маюсь, казнюсь по сей день. Простить себе не могу, что не удержал тогда тебя и сгубил переводчика своего. Всех вас сгубил. Тебя, Сонюшка, Лизу, Галю...

Ведущий 2:

В расселине, скорчившись, лежала Гурвич. Гимнастёрка на груди была густо залита кровью. Две узкие дырочки виднелись на ней. Одна в грудь шла, вторая пониже – в сердце. Соня бежала без опаски по дважды пройденному пути, торопясь принести старшине забытый кисет. Бежала, радовалась и понять не успела, откуда свалилась на хрупкие плечи тяжесть, почему пронзительной яркой болью рванулось вдруг сердце... Нет, успела. И понять успела, и крикнуть, потому что не достал немецкий нож до сердца с первого удара...

Васков: Галя Четвертак...

Четвертак (встаёт, рассказывает):

Война застала меня на 3-м курсе техникума. Я так упорно штурмовала военкомат, что меня в порядке исключения направили в зенитчицы. Военные будни были совсем не похожи на мои представления о фронте, и я тайком плакала по ночам. Но тут появилась Женька, и мир снова завертелся быстро и радостно. Мы всегда были втроем – Рита, Женька и я.

Галя: - Я тогда сапоги эти, что вы, товарищ старшина, с Сони, убитой уже, сняли и мне дали носить не могла.

Васков: Ничего, Галя, Соня не обиделась, а у меня боец разутый, а как же, разувшись, воевать?

Галя: - Я думала, что сапоги пока есть у Сони, она как бы живая... Ведь детдомовская я, товарищ старшина, мне и фамилию в детдоме дали – Четвертак. А девчонки наши мне как сестры были. Героини они, а я испугалась,

товарищ старшина. Немцы на прямую вышли, куст оставили, где пряталась я... Не сдержалась я, не смогла... Выгнулась, заломила руки за голову, метнулась наперерез им... Ничего не видела и не соображала. Я только почувствовала, как спину мою разорвало, закричала, а только один булькающий хрип получился. А ноги... Ноги все бежали, ещё бились в Сониных сапогах.

Васков: Не сразу я поверил, лежал все за своим валуном, а потом главное решил: увести фрицев, увлечь за собой, заманить, оттянуть от последних своих бойцов. Уж их-то, последних, непременно убереечь должен был, обязан был перед совестью своей мужской и командирской. Хватит тех, что погибли. По горло хватит, до конца жизни.

Ведущий 1:

Немцы шли молча, пригнувшись и выставив автоматы, каждый миг ожидая встречного выстрела. Через несколько шагов они должны оказаться в створе между Четвертак и Васковым... Вдруг Галя, выгнувшись и заломив руки за голову, метнулась через поляну наперерез диверсантам, уже ничего не видя и не соображая. Коротко ударил автомат. Девушка с разлёту сунулась лицом в землю, так и не сняв с головы заломленных в ужасе рук. Последний крик её затерялся в предсмертном хрипе...

Васков: **Женя Комелькова...**

Комелькова (встаёт, рассказывает):

У меня с немцами имелся личный счёт. Маму, сестру, братишку – всех из пулемёта уложили. Семьи комсостава захватили – и под пулемёт. А меня эстонка спрятала в доме напротив. И я видела всё. Сестрёнка последней упала: специально добивали... После гибели родных я осталась одна-одинёшенька, перешла фронт и оказалась в отделении зенитчиц под началом младшего сержанта Осяниной. Всё было как надо – я не расстраивалась.

Ведущий 2: Она вообще никогда не расстраивалась. Она верила в себя, и сейчас, уводя немцев от Осяниной, ни на мгновение не сомневалась, что всё окончится благополучно. И даже когда первая пуля ударила в бок, Женька просто удивилась. Неправдоподобно было умирать в девятнадцать лет. Она могла бы затаиться, переждать и, может быть, уйти. Но она стреляла, пока были патроны. И немцы добились её в упор, а потом долго смотрели на её и после смерти гордое и прекрасное лицо...

Васков: **Рита Осянина...**

Осянина (встаёт, рассказывает):

Первый день войны я встретила на заставе. Не растерялась, не ударилась в панику, была спокойна, так как сына отправила к своим родителям. Поэтому могла заниматься спасением чужих детей. А муж погиб на второй день войны. Вот почему у меня имелся личный счёт с немцами. Когда меня известили о переводе с передовой на объект, я промолчала, сбегала в штаб, поглядела на карту и

увидела, что 171-й разъезд находится недалеко от города, где остались больная мать с сынишкой. И попросила послать туда моё отделение.

Ведущий 1: Рита знала, что рана её смертельна и что умирать она будет долго и трудно... Сначала стреляли, потом вдруг стало тихо, и Рита поняла, что Женьки больше нет. Слезы пропали, отступили. Она не жалела себя. А думала о том, что сын её оставался сиротой на руках у больной матери. Как сложится его жизнь?

Васков, уходя, скорее почувствовал, чем расслышал этот слабый, утонувший в ветвях выстрел. И, ещё боясь поверить, побежал назад, к сосне. Рита выстрелила в висок, и крови почти не было.

Васков подходит к Рите и Жене, стоящих рядом.

Васков : - Не выполнили вы, девчата, приказа моего отходить в случае чего.

Рита: - Как же мы без вас вернулись бы, товарищ старшина, Федот Ефграфыч.

Васков: - Эх, девчонки вы мои, девчонки. Да какой я вам старшина, сестрёнки. Зовите как тогда, просто, Федотом зовите. Или – Федей, как маманя звала. Я навечно брат вам, сестренки. Да вот только не мне надо было б над могилкой вашей стоять, а вам над моей.

Женя: - Ничего, Федот. Всё-таки сутки эти, последние наши, даром для немцев не прошли. Испугались они, осторожность свою умножили.

Васков – Мы с вами, девчата, в том бою никак отступить не могли. Держать эту позицию, ни клочка земли немцам на этом берегу не отдавать. И такое чувство у меня было, словно за спиной моей вся Россия сошлась, только вас я слушал: бьют фрицев девчата, значит, живы. Значит, держат свой фронт, свою Россию. Держат! Только бой тот неравный был. Девчата вы, а против мужиков.

Женя: : -Увидела я только, как Рита, скорчившись, под сосной сидела. Силилась серыми губами улыбнуться, а по рукам, которыми живот зажала, кровь текла...

Рита: Гранатой меня тогда. Я боли боялась, поняла я тогда, что –всё...Рана смертельная. Боялась я, что умирать придется долго и трудно. Не надо было, Женька, немцев уводить за собой. Не жалела я себя, своей жизни и молодости, потому что все время думала о том, что было куда важнее...

Женя : -Сын? Вот ради него ты и жить должна была. Не могла я иначе, верила я, ни на мгновение не сомневалась, что все окончится благополучно. Для меня, для тебя, для Феди... Я даже удивилась, когда пуля первая в бок ударила, все так глупо было, несуразно, неправдоподобно было умирать в 19 лет.

Рита: Я слышала очереди, а потом все стихло, и тогда я поняла, Женька, что тебя..., что ты...умерла. Только Васков все же соврал...Соврал, что ты сразу умерла.

Васков : Не победили они нас, понимаешь, не победили, Рита!

Он замолчал, стиснул зубы, закачался, баюкая руку. Сел на пень.

Рита: Болит? До сих пор болит?

Васков: Здесь у меня болит! (*он ткнул себя в грудь*) Здесь свербит, девчата. Так свербит! Положил ведь я вас, всех пятерых положил, а за что? За десяток фрицев?

Женя: Ну зачем так... Все же понятно, война...

Васков: Война – понятно, а мир сейчас. Страшно боялся я тогда: что ответить, когда спросят? Почему вам умереть пришлось? Что же это вы, мужики, мам наших от пуль защитить не могли? Что же это вы со смертью их оженили? Дорогу Кировскую берегли да Беломорский канал имени товарища Сталина? Там ведь охрана, да и людишек куда больше, чем пятеро девчат да старшина с наганом. Что ответить? Не знал я ответа, да и сейчас не знаю.

Соня: Не надо, товарищ старшина. Родина ведь не с каналов начинается. Совсем не оттуда.

Лиза: А мы ее защищали.

Женя: Сначала её, потом – канал.

Васков: Пять девчат, пять девочек было всего, всего пятеро, не прошли фрицы проклятые, не прошли...

Он сидит, девушки медленно подходят и становятся в строй. Звучит песня «Мы вернемся назад», затихает. Занавес закрывается.

Васков: - Да-а-а, старый я совсем стал. Каждый день молодость вспоминаю... Война эта проклятая каждую ночь снится. Рука, окаянная, нету её, в 42 здесь её потерял, всё ноет... Горело всё во мне тогда, и мысли путались. Бывает горе – что косматая медведица: навалится, рвёт, терзает – света не взвидишь. А отвалит – и ничего, вроде можно дышать, жить, действовать. Как не было. Эх...(оглядывается по сторонам) А зори-то здесь тихие, только сегодня разглядел. И чистые-чистые, как слёзы. С сыном, вот, Альбертом Федотычем, каждый год сюда приезжаем грибов пособирать, рыбёшку половить. А в прошлом году на могилку плиту привезли мраморную. Вот она, могилка братская...

(Старик низко опустил голову и покачал ею, потом снова заговорил, сначала тихо, глотая комок в горле, потом всё громче, с надрывом)

Пять девчат, пять девочек было всего... всего пятеро. И всё равно фрицы, проклятые, не прошли. И сдохли здесь, все сдохли!

(Он осёкся, потом снова заговорил тихим голосом)

Простите, девчата, ради Христа, простите. Положил ведь я вас, всех пятерых положил. Будь проклята эта война! Простите меня, девочки, за ниточки ваши оборванные, за детей ваших нерождённых. Оборвались ниточки... Вот только одна и осталась – сын. Прости меня, сынок, что мамку твою не уберёг я... В могиле она вместе с девчатами, в братской могиле. Рита Осянина, Галя Четвертак, Гурвич Соня, Женька Комелькова. Вот только Лизаветы нет, в болоте она утопла, там и могилка её. 5 девчат, 5 девочек было всего, всего пятеро! А немцы не прошли, не смогли пройти. Пятеро против шестнадцати!

(Стягивает с головы пилотку, молчание).

Сын: А зори-то здесь тихие... И чистые-чистые, как слёзы...

Ведущий 2: Так заканчивает свою повесть о минувшей войне писатель Борис Васильев. И каждой строкой, обращенной к нам, предупреждает: жалость и милосердие так необходимы нашему веку.